

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Процессы коммуникации в сфере литературоведения сложны, многообразны, а подчас изощренны и причудливы. Дистанцированность во времени между отдельными текстами не создает препятствий для возникновения диалогов, полилогов и даже самостоятельных литературоведческих дискурсов. Еще больший исследовательский интерес вызывают синхронные, но противоположные по сути оценки литературных явлений, к которым мы намерены обратиться в предлагаемой статье.

Перед нами две новые книги, посвященные изучению жизненного и творческого пути Анны Ахматовой: Владимира Мусатова «В то время я гостила на земле...» Лирика Анны Ахматовой» [6] и Тамары Катаевой «Анти-Ахматова» [4]. Поскольку тираж первой – 800 экземпляров, т.е. она изначально адресована узкому кругу специалистов, а второй – 3000 экземпляров, то совершенно понятно, что обе просто растворились в многочисленной аудитории почитателей и исследователей творчества Анны Ахматовой, но ни в коем случае не остались незамеченными. Одновременность издания и общий «предмет», безусловно, сразу же сталкивают две работы в заочной полемике, хотя авторы вряд ли были нацелены на таковую. Книга В. Мусатова была подготовлена к печати коллегами известного литературоведа из Великого Новгорода уже после его смерти, чем и объясняется незавершенность отдельных ее глав. Книга же Т. Катаевой – работа вполне законченная и композиционно продуманная. Но несомненно общей нотой в восприятии одной из знаменитейших русских поэтесс (правильнее в данном случае сказать – поэтов) является понимание того, что все, так или иначе соприкасавшиеся с творчеством Ахматовой (читатели или исследователи), «сталкивались с легендой, которую она всю жизнь творила о себе самой» [6, с. 11]. Изучению, но главным образом – развенчанию этой легенды посвятила свою книгу Т. Катаева, не претендуя на приобщение к литературоведчески строгому контексту, а создав, скорее, историко-литературное, биографическое, публицистическое эссе – эпатажное, яркое, местами злое, но интересное в каждом пассаже, написанное легкой, энергичной, талантливой рукой. А в качестве уточнения содержания этого труда как нельзя лучше подходят слова из предисловия, написанного В. Топоровым: «классик без ретуши». Особенность ахматовского мифа в том, что его задумала, с невероятной целеустремленностью провела в жизнь и канонизировала сама Анна Андреевна» [4, с. 5].

Вольно или невольно, но В. Мусатов поддерживает и упрочивает ахматовский миф именно сбалансированным и серьезным аналитическим ракурсом, свойственным всем разделам книги: здесь и размышления о жанровой специфике, о природе образности, об античных аллюзиях,

погруженность в литературно-художественные искания начала XX века и, конечно, есть слова о гражданственности лирики Ахматовой.

У Т. Катаевой – незаангажированный научной перспективой и принципиально иной взгляд: «Конец ее царствования», «Мусорная старуха»; и если встречаются главы с названиями *Гражданское мужество*, *Подвиг матери*, *Дама высокого тона*, то содержание их так интенсивно иронично и антитетично по отношению к заглавию, что мысленно тут же заключаешь эти названия в кавычки.

Даже первая – эмоциональная – реакция на книгу Т. Катаевой далека от возмущения или негодования (как посмела?!), потому что то ли робко возникающее желание, то ли осознанное понимание необходимости «сбить пафос» давно пульсировало в литературоведческой среде. Примечательно, что издательство «ЕвроИНФО», дав очень точную аннотацию книги Т. Катаевой: «Ан-ти-Ахматова» – парадоксальный и полемический опыт *пересмотра* (выделено нами. – Н.П.) значения творчества и личности Анны Ахматовой. На основании цитирования и анализа многочисленных источников – мемуаров, литературоведческих статей, писем и других документов – автор делает неожиданные выводы, противоречащие точке зрения традиционного литературоведения, и противопоставляет привычному, мифологизированному образу Анны Ахматовой свою систему оценок», – тут же предусмотрительно подчеркивает: *«Книга выходит в авторской редакции, за факты и комментарии, в ней изложенные, издательство ответственности не несет»*. Пожалуй, это не антиреклама «АнтиАхматовой», а лучшая реклама для книги, над которой стоит поразмыслить.

Попытка коротко и внятно охарактеризовать суть легенды об Ахматовой, вывести формулу этой легенды дает словосочетание «величественная страдальца». Такой, говоря современным языком, имидж поэтессы существует десятилетия, и он-то стал одним из краеугольных камней соответствующего мифа

Одним из охранителей и фундаторов ахматовского мифа Т. Катаева считает Иосифа Бродского, великого русского поэта, лауреата Нобелевской премии, который в 1989 году написал стихи «На столетие Анны Ахматовой», почти Библейской высоты звучания: «Великая душа, поклон через моря/ за то, что их нашла, – тебе и части тленной, / что спит в родной земле, тебе благодаря, / обретшей речи дар в глухонемой вселенной» [4, с. 7]. После этих стихов, полагает Т. Катаева, говорить об Ахматовой в ином ключе, с другими интонациями стало просто невозможно. Но, вспомним, ведь и прежде звучало немало кантов и дифирамбов в адрес Ахматовой, особенно в год столетнего юбилея поэтессы, причем их градус повышался по мере приобретения поэтессой дополнительных, повысивших ее рейтинг характеристик – «диссидентствующий поэт», «внутренняя эмигрантка» и т.п. Привести примеры несложно: «художник реалистического таланта и обостренной совести» [9],

«эта лирика впитала в себя жизненный опыт поэта, культуру предшественников» [8].

Складывалось впечатление, что Ахматову постоянно нужно защищать, отряхивать наносимую легкомысленными исследователями пыль с ее девственно белых одежд, отстаивая ее непререкаемо высокий статус. Невольно вспоминается ситуация двадцатилетней давности, когда обретались не читанные до тех пор *произведения*, открывались «закрытые» имена... В 1989 году в городе Бежецке проходила первая Всесоюзная Ахматовская конференция, участником которой посчастливилось быть и мне. Событие оказалось не только интересным в научном плане, но и поучительным: никогда ни до, ни после этой конференции не приходилось слышать таких выходящих за рамки приличия словесных перепалок, плохо вписывающихся в традицию научной полемики, – скандал, что называется, витал в воздухе. По прошествии многих лет начинаешь понимать, что все, кто интересуется или профессионально занимается творчеством Ахматовой, разделены на два противоборствующих лагеря – принимающих и поддерживающих ахматовскую легенду и отрицающих ее. Поэтому, конечно, не с целью примирения враждующих, а для установления объективной истины так необходимы новые работы, очевидна актуальность современных специальных исследований.

Думается, что сакрализация Ахматовой началась задолго до Бродского, и начал ее один из великолепных отечественных литературоведов В.М. Жирмунский своей статьей «Преодолевшие символизм». В этой работе есть отдельная – «именная» – глава, которая называется «Анна Ахматова». Таких главок удостоены еще два поэта – О. Мандельштам и Н. Гумилев, имена же других поэтов упоминаются в общем анализе текущего литературного процесса. Тонкий стиховед, В.М. Жирмунский подробно разбирает эпиграмматичность стихов Ахматовой, их ритмическое богатство, рифмы и многие другие особенности поэтики, а итогом, обобщающим тезисом этих наблюдений является следующее утверждение: «Ахматова – не только самый яркий представитель молодого поколения поэтов; в ее творчестве есть черты вечные и черты индивидуальные, не укладывающиеся до конца во временные и исторические особенности поэзии сегодняшнего дня» [3, с. 112]. Все справедливо – поэт пишет о вечном. А то, что творчество Ахматовой не укладывалось в современные рамки, – это уже пропуск, если не в ложу гениев, то, по крайней мере, в малочисленное общество великих поэтов. Здесь необходимо хронологическое уточнение: статья В.М. Жирмунского была написана в 1916 году, в распоряжении ученого тогда был небольшой корпус стихов Ахматовой, поэтому экстраполировать приведенный выше вывод на все творчество Ахматовой было бы некорректно.

Анну Ахматову почитатели поэзии узнали после выхода в 1912 году, сравнительно небольшим тиражом (всего 300 экземпляров) ее первого поэтического сборника «Вечер». Этот, бесспорно, важный эпизод творческой биографии Ахматовой в книге Т. Катаевой иллюстрируется забавной сценкой

из воспоминаний Анатолия Наймана. Когда мемуарист пересказал Ахматовой слышанную им от третьего лица информацию о том, что поэтесса будто бы сама перевезла весь тираж на извозчике одним разом, реакция Анны Андреевны была довольно неожиданной: «Я?! – воскликнула Ахматова. – Я перевозила книжки?»

Или он думает, у меня не было друзей-мужчин сделать это?» [4, с. 16]. «Перевозить книжки» и быть грузчиком суть разные вещи, но описанный момент кажется знаковым, принимая во внимание тщательно продуманные и прописанные (проговоренные) Анной Андреевной мужские роли в собственном мифе.

Итак, «Вечер». В домашней библиотеке нашлось репринтное издание того знаменитого сборника [1]. Тоненькая книжица, форматом напоминающая «карманные» и некогда популярные серии поэтических сборников, включающая четыре десятка стихотворений, с предисловием М. Кузмина, в оформленной С. Городецким в сдержанной манере обложке. Многие из произведений сборника – всего в восемь строк, так что в слове *книжица* не стоит искать сколько-нибудь пренебрежительного оттенка. Показателен состав сборника: «И мальчик, что играет на волынке...», «Сжала руку...», «Я сошла с ума, о мальчик странный...», «Сероглазый Король», но первое, так сказать, заглавное стихотворение – «Любовь». Действительно, любовь – наиважнейшая, центральная тема ахматовской поэзии. Это хорошо или плохо? Это никак – это нормально. Молодая женщина пишет о любви. Чуть жеманно, с наигрышем, но пишет о том, что составляет смысл ее существования. Может, у Н. Пунина были основания утверждать: «...она невыносима в своем позерстве, и если сегодня она не кривлялась, то это, вероятно, оттого, что я не даю ей для этого достаточного повода» [4, с. 21]? Однако заметим, справедливости ради, что новеллистичный «Сероглазый Король» вполне мог спровоцировать бессонницу у чувствительной гимназистки. Заметим и другое: не только тема, но и интонации остались прежними, «вечерними», в стихах 1960-х гг. Тот же таинственный и непостижимый *он, ты*, потому что проговорить «И любишь ты всю жизнь меня, меня одну» [2, Т. 2, с. 82] было важным для ревностно, до конца дней работающей на собственный миф поэтессы, пусть и на восьмом десятке лет. Словно бы опровергая свою же формулу – «...лирический поэт обязан быть мужчиной» [2, Т. 2, с. 83], – Ахматова всегда оставалась лириком-женщиной, в чем тоже трудно усмотреть что-то противоестественное. Или точнее мнение Л. Колобаевой: «... гармонически соединив и уравновесив в себе две стихии – женственности и мужественности, робкую нежность чувств с побудительным рационально-волевым, активно-действенным началом, лирика Анны Ахматовой обретает полноту всечеловеческого своего звучания» [5, с. 150].

Вероятно, только самые умные из «друзей-мужчин» догадывались, что, попадая в орбиту Ахматовой, они аргіогі становились поклонниками, ибо другой вариант участи рядом с нею не рассматривался. В этом смысле кульминацией ахматовского мифа можно было бы считать ее собственную интерпретацию

истории знакомства и бесед с Исайей Берлиным. Ни историки, ни политологи не знают той причины развязывания «холодной войны», которая известна ей, Анне Андреевне. «Холодная война» началась ... из-за Ахматовой. По ее версии, о знакомстве с Берлиным сообщили Сталину, «он разозлился и произнес: «Ах так, наша монахиня теперь иностранных агентов принимает!» [4, с. 11]. Если логически завершить цепь ассоциаций, то получается, что (страшно сказать!) и Сталин не оставался равнодушным к загадочной женщине, метнув ей под ноги международную безопасность. Хотя прогнозы поэтессы о том, что знакомство с Берлиным «смутит XX век» [4, с. 15], больше ассоциируются с тургеневской иронией в романе «Отцы и дети» по поводу «польки-мазурки на парижский манер», исполненной эмансипированной Кукшиной с Ситниковым.

В поэтике Ахматовой отмечаются различные переключки с поэтами-современниками, с литературой предшествующих эпох, что традиционно поясняется как связь времен, преемственность, сопричастность к прошлому. «...в ее полифонической лирике звучат различные «чужие голоса» в виде прямых и скрытых цитат, а возникают они в поэтическом мире автора часто потому, что чем-то «похожи» на «голос» непосредственного адресата стихотворения» [10, с. 67], – справедливо утверждает авторитетнейший исследователь литературы XX века Р.Д. Тименчик. Подобные случаи в стихах Ахматовой, действительно, нередки, и «лирическая манера Ахматовой, – дополняет В. Мусатов, – производила на современников настолько магическое впечатление, что они слышали в стихах не только *голос*, но даже *тембр голоса* их автора» [6, с. 52]. Для эпохи всевластия символизма с его теоретическими постулатами именно такая рецепция ожидаема и вполне предсказуема. «Ахматова *говорит*, а благодарный читатель *слушает*, испытывая волнение от «некнижности» ее стихов» [6, с. 52], – в этом исследователь усматривает очевидное расхождение с лозунгами акмеизма.

В 1911 году Ахматова написала стихотворение «Вечерняя комната»: «Я говорю сейчас словами теми, / Что только раз рождаются в душе. / Жужжит пчела на желтой хризантеме, / Так душно пахнет старое саше» [2, Т. 2, с. 14], в котором В. Мусатов фиксирует почти прямую цитату их М. Кузмина: «Знакомый трепет будится в душе, / Как будто близко расцветает роза, / А вдалеке играют Берлиоза/ И слышен запах старого саше». Однако, сравнив эмоциональный накал, выраженный в произведениях двух поэтов (не так уж важно, что *те слова* уже *раз* родились, и в другой душе), В. Мусатов делает выбор в пользу Ахматовой.

Попытаемся сопоставить еще два отрывка. «Памяти Добролюбова» Н. Некрасова:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать. <...>

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! [7, с. 107].

«Памяти М. Булгакова» А. Ахматовой из цикла «Венок мертвым»:

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья,
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презрение. <...>

И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.

О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, все забывшей,

Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли [2, Т. 1, с. 251-252].

Пожалуй, в данном случае сравнение будет не в пользу Ахматовой. Но, думается, слишком жестко, даже жестоко звучит приговор Т. Катаевой – «Она поздно родилась, не догадалась вовремя умереть» – в отношении выдающегося – все-таки! – мастера стиха.

Наверное, можно иронизировать по поводу литературной премии «Этна-Таормина», которой поэтесса была рада, как ребенок погремушке, потому что и статус этой премии невысок, и вручал ее «заместитель мэра городка по туризму», а «делалось это для того, чтобы велеть ей молчать в деле Бродского» [4, с. 14]. Можно даже саркастически интерпретировать некоторые факты из жизни поэтессы. Все эти эмоции могут казаться оправданными и в то же время несправедливыми, потому что многое в жизни Ахматовой стало следствием жуткого перекоса между содержанием творчества, «мифа» и реальностью. При внимательном чтении стихов Ахматовой нельзя не заметить, как сильно они стилизованы «под XIX век». Все эти *кареты*, *хлыстики*, *вуали* – из другой эпохи. Да, Ахматова родилась в XIX веке, но не застала его расцвета, приметы того времени не могут считаться характерными для ее жизни. Может быть, в этих стилистических особенностях еще один фрагмент самотворимой легенды, предназначенный для не слишком разборчивых потомков: все же XIX век –

нетленная классика, золото всегда ценилось выше серебра, опять же – до Пушкина рукой подать?

Литература:

1. Ахматова А. Вечер. Стихи. – Спб.: Цех поэтовъ, 1912. – Репринтное воспроизведение издания 1912 года. – М.: Книга, 1988. – 98с.
1. Ахматова А. Сочинения: в 20-х т. – Т. 1. – М., Правда, 1990. – 448 с.; Т.2. – М.: Правда, 1990. – 432 с.
2. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм// Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 106-133.
3. Катаева Т. Анти-Ахматова. – М.: ЕвроИНФО, 2007. – 560 с.
4. Колобаева Л. И мужество и женственность// Литер, учеба. – 1980. № 1. – С. 150-157.
5. Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» Лирика Анны Ахматовой. – М.: «Словари, ру», 2007. – 496 с.
6. Некрасов Н.А. Лирика. – М.: Детская литер., 1977. – 144 с.
7. Озеров Л. «.. .С неукротимой совестью своей»// Правда. – 23.06.1989. – С. 4.
8. Павловский А. Бессмертие поэзии// Известия. – 23.06.1989. – С. 3.
9. Тименчик Р. Д. Неопубликованные прозаические заметки А. Ахматовой// Изв. АН СССР. Серия литер, и яз. – 1984. – № 1. – С. 65-80.

АНОТАЦІЯ

Підмогильна Н.В. Можливості літературознавчої комунікації.

У статті здійснено спробу полемічного співвіднесення сучасних досліджень життя та творчості Анни Ахматової.

Ключові слова: Ахматова, миф, поетика, „чужий голос“, „Анти-Ахматова“.

АННОТАЦИЯ

Подмогильная Н.В. Возможности литературоведческой коммуникации.

В статье осуществляется попытка полемического соотнесения современных исследований жизни и творчества Анны Ахматовой.

Ключевые слова: Ахматова, миф, поэтика, «чужой голос», «Анти-Ахматова».

SUMMARY

Podmogilnaya N.V. The possibilities of the literary communication.

Anna Akhmatova's life and creative activity in the context of polemic relations of the contemporary researches are under special study.

Key words: Akhmatova, myth, poetics, «other's voice», Anti-Akhmatova.